

Г. Чуфрин

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

DOI:10.20542/2073-4786-2018-1-9-22

О концепции «многовекторности»

Образование новых суверенных государств на базе бывших советских республик началось в условиях распада Советского Союза, произошедшего в результате действия целого комплекса внутренних и внешних факторов, включая обострение политических, социальных, экономических, межэтнических противоречий и вызовов, которые достигли своего апогея на рубеже 1980–90-х гг. Перед постсоветскими странами после обретения ими национального суверенитета встали задачи обеспечения своего развития и безопасности.

Важную роль в их решении, наряду с мобилизацией внутренних ресурсов и средств, было призвано сыграть проведение активной внешней политики, для чего необходимо было определить ее важнейшие задачи и приоритеты, исходя из национальных интересов, и создать механизмы для их достижения. При этом постсоветским государствам предстояло определить свое место в системе современных международных отношений, характер внешних связей с другими странами – как с наиболее крупными и влиятельными членами мирового сообщества, так и с ближайшими соседями.

Принимая во внимание ограниченность, либо острую нехватку собственных ресурсов развития (производственных, технологических, финансовых, энергетических, сырьевых), а также отсутствие (особенно на начальном этапе их независимого существования) международно признанных и обустроенных внешних границ, постсоветским странам необходимо было обеспечить свой национальный суверенитет и избежать попадания в политическую и/или экономическую зависимость от более развитых и мощных государств.

В концептуальном плане, как показал исторический опыт, важным методом решения этих многочисленных и весьма непростых задач стало провозглашение многими постсоветскими странами (фактически – их абсолютным большинством) «многовекторности» в качестве основополагающего, базисного принципа своей внешнеполитической деятельности. Широкое, а

по существу, общерегиональное распространение принципов «многовекторности» – как в концептуальном, так и в сугубо практическом плане – получили при формировании внешней политики постсоветских стран Центральной Азии.

Принято считать, что приоритет в формулировании основных положений «многовекторности» внешней политики и введении в международный оборот этого термина принадлежит Казахстану, руководство которого заявило о намерении придать многовекторный характер внешней политике страны еще в начале 1990-х гг. Выступая в 1992 г. на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложениями о создании в Азии новой модели системы безопасности, президент Н.Назарбаев определил «многовекторность» как политику дружественных и предсказуемых отношений со всеми государствами, согласно которой «Республика Казахстан не имеет каких-либо претензий ни к одной стране мира и постоянно проводит политику мирного урегулирования существующих и возможных претензий со стороны внешних государств».¹

Развивая и конкретизируя этот достаточно общий тезис в своих последующих официальных заявлениях, Н.Назарбаев уточнил содержание каждого из внешнеполитических векторов, определив их как «союзнические отношения с Россией, отношения сотрудничества и добрососедства с Китаем, стратегическое партнерство с Соединенными Штатами Америки, интеграция со странами Центральной Азии, взаимовыгодные связи с Европейским союзом и государствами Азии».²

Комментируя провозглашение «многовекторности» в качестве основы международной политики страны, казахстанские ученые и эксперты выделили основные факторы, действовавшие в пользу принятия такого решения: а) расположение Казахстана на территории между двумя крупными державами, Россией и Китаем; б) незащищенные границы и нерешенные пограничные проблемы; в) отсутствие прямого выхода к мировым морским коммуникациям, доступ к которым возможен лишь через территорию сопредельных государств; г) давление со стороны мировых центров силы и региональных держав; д) богатейшие природные ресурсы республики, интерес к которым стали проявлять как ближние, так и дальние соседи; е) относительно малый масштаб национальной экономики по сравнению с разме-

¹ Назарбаев Н.А. Эпицентр мира. Астана: «Елорда», 2001. С. 98-99, 284.

² Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 1 марта 2006 г. <http://www.President.kz>

рами территории страны; ж) военная слабость страны; з) рассредоточенность населения.

На основании этого делался вывод, что указанные факторы диктуют Казахстану необходимость балансирования между различными геополитическими силами для обеспечения своей национальной независимости.³ Вместе с тем, наряду с перечисленными факторами, в выборе Казахстаном (равно как и другими центральноазиатскими государствами) концепции «многовекторности» своей международной деятельности следует учитывать, что весьма важную роль в принятии ими такого решения сыграла ельцинско-козыревская внешняя политика РФ, носившая в первые годы после распада СССР откровенно прозападный характер и демонстративно игнорировавшая отношения с постсоветскими странами в Центральной Азии.⁴

Этот курс тогдашнего российского руководства сыграл немалую деструктивную роль в отношениях России с новыми суверенными евразийскими государствами, причем не только на этапе их становления, но и на годы вперед, подрывая атмосферу взаимного доверия и играя на руку местным антироссийским силам и настроениям.

Именно курс Москвы в отношении бывших советских республик Центральной Азии, вследствие проведения которого они фактически были брошены на произвол судьбы со своими социально-политическими и экономическими проблемами и оказались под давлением внешних сил, Абдунаби Сатторзода, ставший в конце 1990-х гг. министром иностранных дел Таджикистана, называет в качестве основной причины «многовекторности» политики новых суверенных государств.⁵

Практически одновременно с Казахстаном и другие центральноазиатские страны заявили о том, что их внешняя политика будет направлена на выстраивание равноправных отношений с самыми различными внешними партнерами исходя из национальных интересов.

³ См., например, статью авторитетного казахстанского политолога М.Т. Лаумулина «Многовекторность внешней политики Казахстана – плюсов больше, чем минусов». <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1078126740>

⁴ Как пишет киргизский ученый А.А.Князев, в этот период «российская политика была абсолютно неадекватна запросам стран региона, да и собственным российским национальным интересам; в лучшем случае в каких-то особых ситуациях, была ситуативной, рефлекторной (например, по конфликту 1990-х гг. в Таджикистане, в Баткенских событиях в Киргизии в 1999-2000-х гг., на афганском направлении); понятие “системность” в этой политике отсутствовало по определению». Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек, 2012. С. 114

⁵ Сатторзода А. Некоторые теоретические аспекты многовекторности во внешней политике государств Центральной Азии. <http://www.easttime.ru>. 8.09.2009.

Так, в начале 1990-х гг. основой внешней политики Узбекистана был провозглашен курс на достижение мира, стабильности и сотрудничества. При этом заявлялись открытость для сотрудничества с другими странами, независимо от их идеологии; взаимное уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела друг друга; мирное урегулирование споров и неприменение силы или угрозы силой; поддержание внеблокового статуса страны; равноправие и взаимная заинтересованность в развитии межгосударственных отношений.

Эти принципы легли в основу национальной внешнеполитической стратегии, получившей название политики «самостоятельности» («мустанкилик») или политики «открытых дверей». Следует подчеркнуть, что при этом Узбекистан стремился установить приемлемый для себя баланс в отношениях со своими основными партнерами на международной арене, в первую очередь – с Россией, США и Китаем, лавируя между ними, избегая чрезмерного сближения с кем-либо из них в ущерб отношениям с другими и одновременно преследуя на региональном уровне собственные интересы, т.е. фактически следуя принципу «многовекторности», провозглашенному соседним Казахстаном.

Анализируя факторы, побудившие прибегнуть к многовекторной внешней политике Киргизию, а также последствия этого курса в отношениях с Москвой, Вашингтоном и Пекином в первое десятилетие независимого существования республики, А.Князев считает, что в целом это был удачный эксперимент. «С точки зрения практичности от такой политики Киргизия выигрывала довольно много, – пишет он в обстоятельном исследовании процессов становления киргизской независимости, – включая как преференции со стороны России и других стран СНГ, от Китая, так и определенные послабления от международных финансовых организаций. Было очевидно, что такая политика не может продолжаться бесконечно, но в условиях 1990-х гг. она была для Киргизии, пожалуй, единственно верной».⁶

Аналогичного мнения относительно преимуществ проведения многовекторной политики другой центральноазиатской страной – Таджикистаном, придерживался и А.Сатторзода, считавший, что такая политика «наиболее соответствует реалиям переходного периода и глобализационных процессов, является единственным методом выживания, приносящим весомые дивиденды».

⁶ Князев А.А. Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). С. 113.

денды, а также эффективное продвижение своих национальных интересов в различных направлениях международных отношений».⁷

Сходную позицию по вопросам внешнеполитической стратегии и тактики занял и Туркменистан, встав, как и его соседи по региону, на путь лавирования между влиятельными державами. Важной особенностью внешней политики Туркменистана стал провозглашенный им статус постоянного нейтралитета, признанный на международном уровне в результате принятия в 1995 г. соответствующей резолюции ООН.

Таким образом, принципы «многовекторности» легли в основу международной деятельности всех пяти постсоветских государств Центральной Азии, хотя конкретные формы реализации этих концептуальных установок отличались от страны к стране. По мнению киргизского эксперта по международным отношениям К.Рахимова, «в первые годы независимости элитам центральноазиатских государств был нужен многовекторный внешнеполитический курс для того, чтобы найти источники для сохранения в рабочем состоянии объектов экономики в своих странах; позже он стал уже условием поддержания их политической власти и богатства».⁸ Иными словами, этот курс стал прямым продолжением и отражением внутривнутриполитической борьбы и противоречий в странах региона.

Вместе с тем «многовекторность» внешнеполитического курса не стала сугубо центральноазиатским феноменом, но в различных формах использовалась и продолжает использоваться государствами в других регионах постсоветского пространства, включая Молдавию и Украину на начальном этапе их независимости. Задачи поддержания баланса между национальными интересами и интересами региональных и глобальных держав на Южном Кавказе в начале 1990-х гг. были положены в основу внешнеполитической концепции «комплементаризма» Армении, и в дальнейшем они активно проводились ею в жизнь.

Анализируя содержание этой концепции, ее особенности, сходства и отличия от политики «многовекторности» центральноазиатских государств, сотрудник армянского Института Кавказа С.Минасян отмечает, что в самых общих чертах «их, наверное, можно считать синонимами реализации концептуально похожей внешней политики», однако оговаривается, что «при более внимательном анализе отличий у комплементаризма с многовекторно-

⁷ Сатторзода А. Некоторые теоретические аспекты многовекторности во внешней политике государств Центральной Азии.

⁸ <http://www.inozpress.kg/news/view/id|47110>

стью все же больше, чем сходств».⁹ Не вступая в дискуссию, можно согласиться с тем, что важной особенностью политики армянского «комплементаризма» является уникальная роль, которую играет в ее реализации влиятельная армянская диаспора в США, России, Франции, Иране и ряде ближневосточных стран.

Среди последних тенденций в развитии концептуального аспекта политики «многовекторности» постсоветских стран и конкретных форм ее реализации, на наш взгляд, необходимо, во-первых, отметить наметившийся отход от ранее наблюдавшейся преимущественно прозападной ориентации во внешнеполитическом курсе Азербайджана в пользу проведения им внешней политики, основанной – разумеется, с учетом национальных и исторических особенностей – на принципах многовекторности и активного нейтралитета. Об этом свидетельствует не только продолжающееся взаимодействие по широкому спектру вопросов с США, Евросоюзом или Турцией, но и активизация межгосударственных связей Азербайджана с Ираном, а также с Россией.

Между Москвой и Баку заключен ряд соглашений, направленных на укрепление политического сотрудничества. Азербайджан стал основным торговым партнером России среди постсоветских стран, не являющихся членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В соответствии с межправительственными соглашениями, между Баку и Москвой осуществляется военно-техническое сотрудничество (ВТС), предусматривающее поставку в Азербайджан российской военной техники и подготовку офицерских кадров.

Необходимо подчеркнуть, что ВТС России с Азербайджаном (как и с Арменией) осуществляется при тщательном учете необходимости сохранения баланса сил на Южном Кавказе, в жестких рамках национальной системы экспортного контроля, закрепленной российским федеральным законодательством, и при неизменном соблюдении взятых на себя Россией соответствующих международных обязательств.

Во-вторых, особого внимания заслуживают происходящие изменения во внешней политике Белоруссии, в которых находит отражение тенденция к фактической смене ее приоритетов – от создания Союзного государства с Россией к развитию партнерских связей с другими странами и поиска признания на Западе. С сожалением приходится констатировать, что эти изме-

⁹ Подробный анализ этой проблематики см. в статье С. Минасяна «Внешняя политика постсоветской Армении: 20 лет одновременно на нескольких стульях», опубликованной в журнале «Мировая экономика и международные отношения», 2013, № 1.

нения заметно активизировались после того, как Запад начал вводить анти-российские санкции в ответ на воссоединение Крыма с Россией и эскалацию вооруженного противостояния на Юго-Востоке Украины.

В свою очередь США и Евросоюз приступили к отмене ранее действовавших ограничений и санкций в отношении Белоруссии и возобновили деловые контакты с правительством Лукашенко. Впрочем, эти изменения носили строго дозированный и, по существу, ограниченный характер, и расчеты Минска на получение остро необходимой ему экономической помощи от Запада, включая выделение кредитов МВФ, оказались несостоятельными.

Таким образом, «многовекторные» маневры Минска, направленные на поиски спонсоров на Западе и привлечение оттуда массивной финансовой помощи и современных высокотехнологичных инвестиций, не принесли (да и не могли принести без кардинальных политических уступок и фактического отказа от ныне действующей в стране социально-политической модели) желаемых результатов.

Бесспорным при этом стало то, что у Белоруссии не нашлось скольконибудь адекватной замены финансовой и экономической помощи, регулярно предоставляемой Россией как в виде льготных кредитов и субсидий, так и в форме значительных ценовых скидок на товары российского экспорта, включая энергоресурсы. По имеющимся оценкам, размер этой помощи составляет ежегодно порядка 10 млрд. долл. США или до 15% ВВП Белоруссии.¹⁰ А это диктует белорусскому руководству необходимость сохранения, хотя и в изменившихся формах, российского вектора в качестве профилирующего во внешней политике своей страны.

В-третьих, усилились критические и даже негативные настроения в Армении относительно ее участия в ЕАЭС. Согласно данным социологического опроса, проведенного Евразийским банком развития (ЕАБР), уровень общественной поддержки участия в ЕАЭС снизился в Армении с 67% в 2013 г. до 46% в 2016 г. Авторы опроса объяснили это (а) кризисными явлениями в российской экономике, с которой экономика Армении тесно связана, и (б) неудовлетворенностью позицией России по поводу обострившегося в 2015–2016 гг. конфликта в Нагорном Карабахе.¹¹ Одним из последствий этого сдвига в общественном мнении стало подписание Арменией в ноябре 2017 г. Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Евросоюзом.

¹⁰ Астахова С. Белоруссия: новые реалии международной политики // Россия и новые государства Евразии. 2014. № 4. С. 91.

¹¹ Евразийский экономический союз. Санкт-Петербург: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития, 2017. С. 51.

Впрочем, как и в случае с Белоруссией, эти события вряд ли могут означать серьезное охлаждение в стратегических отношениях между Арменией и Россией, ибо РФ является не только основным рынком сбыта армянских товаров, но и основным источником ПИИ для армянской экономики (более 40% их объема, по данным ЕАБР).¹² Критически важным для Армении является и то, что, в интересах обеспечения своей национальной безопасности, она продолжает остро нуждаться в военно-политическом союзе с Россией.

Евроатлантический вектор во внешней политике постсоветских стран

В формировании и проведении в жизнь своего внешнеполитического курса откровенно прозападный вектор среди постсоветских государств вслед за странами Балтии первоначально выбрала лишь Грузия. Предпосылки к этому фактически были заложены при первом президенте страны, Звиаде Гамсахурдия, занимавшем откровенно националистические и антироссийские позиции во внутренней и внешней политике. Новые, причем еще более серьезные импульсы движения в западном направлении были приданы Грузии в годы президентства Эдуарда Шеварднадзе (1995–2003 гг.) и особенно в период нахождения на президентском посту Михаила Саакашвили (2004–2013 гг.).

В сочетании с развитием ксенофобии и ультранационализма во внутренней политике, это привело Грузию к национальной катастрофе и выходу из ее состава в результате вооруженного конфликта Абхазии и Южной Осетии, создавших собственные государства. Поддержка Россией суверенных прав народов Абхазии и Южной Осетии привела Грузию к разрыву дипломатических отношений с Москвой и выходу из состава СНГ. В этих условиях внешняя политика Тбилиси, направленная на расширение сотрудничества с Западом, не только сохранилась, но и укрепилась. Как следствие, прозападные ориентиры в политической и военно-политической сферах и ныне определяют основное содержание внешнеполитического курса страны.

Вместе с тем во внешней политике Грузии присутствуют и определенные элементы многовекторности, связанные как с развитием ее отношений с центральноазиатскими странами, так и с намерениями Тбилиси принять участие в реализации китайского проекта «Один пояс, один путь». Также, несмотря на отсутствие официальных дипломатических отношений с

¹² Там же. С. 42.

РФ, наблюдается некоторая активизация российско-грузинских связей в торгово-экономической и культурной сферах.

В результате серьезных сдвигов в расстановке внутривнутриполитических сил в пользу радикально-националистических и антироссийских, начавших формироваться еще в 1990-е гг., а также под воздействием все возрастающего политического, экономического и пропагандистского давления Запада более явной прозападной ориентации в своей внешней политике с течением времени стали придерживаться также Украина и Молдова, сменив ранее проводившуюся – или, скорее, декларировавшуюся ими – многовекторную внешнюю политику на одновекторную и добиваясь членства в Евросоюзе и НАТО.

Так, политический дрейф Молдовы в западном направлении, темпы которого то ускорялись, то – под давлением патриотических сил – несколько замедлялись, происходил на протяжении целого ряда лет, заметно усилившись после прихода к власти в 2009 г. коалиции откровенно прозападных политических партий, включая Демократическую, Либерально-демократическую, Либеральную.

В обоснование такого внешнеполитического курса были выдвинуты не только тенденциозно подобранные (а то и откровенно сфальсифицированные) исторические, языковые, этнические и экономические аргументы, но и существование длительного конфликта между Республикой Молдова и Приднестровской Молдавской Республикой. Используя в качестве предлога нахождение Оперативной группы российских войск в Приднестровье, прозападные силы выступают за отказ Молдовы от закрепленного в ее конституции статуса нейтрального и внеблокового государства с последующим присоединением к НАТО. Наряду с этим, при поддержке Бухареста в стране усилились позиции сторонников вхождения Молдовы в состав Румынии.

Вместе с тем эти планы и действия прозападных и румыноунионистских партий и движений и формируемых ими правительств Молдовы встречают серьезное сопротивление национальных патриотических сил, во главе которых в последние годы находится Партия социалистов и ее лидер И.Додон. Они выступают за сохранение государственного суверенитета Молдовы и против односторонней евроатлантической внешнеполитической ориентации страны, в пользу ее сближения с Россией и Евразийским экономическим союзом.

В условиях острейшей внутривнутриполитической борьбы несомненным успехом оппозиционных сил стала победа И.Додона во втором туре президентских выборов в Молдове в ноябре 2016 г., на которых в соответствии с решением Конституционного суда страны победитель впервые с 1997 г.

вновь определялся всенародным голосованием, а не посредством голосования в парламенте.

В ходе своего первого официального зарубежного визита после избрания президентом Молдовы и встречи с В.Путиным в Москве в январе 2017 г. И.Додон высказался за получение его страной статуса наблюдателя в ЕАЭС. Вполне предсказуемо эта его инициатива, как и в целом призывы улучшить отношения с Россией, были встречены в штыки со стороны прозападного парламентского большинства. Усиливая нажим, парламентарии сумели даже добиться ограничения исполнения И.Додоном ряда его конституционных полномочий. Тем не менее планы Додона восстановить в полном объеме межгосударственные связи с Россией, объединиться с Приднестровьем, сохранить национальную государственность Молдовы и статус ее постоянного нейтралитета, судя по проводимым опросам общественного мнения, продолжают пользоваться поддержкой большинства населения страны.

Оценивая в целом современную политическую обстановку в Молдове, можно констатировать, что в стране происходит явное нарастание противостояния между прозападными и национально ориентированными партиями и движениями, исход которого серьезно повлияет не только на внутривнутриполитическое положение в стране, но и на выбор дальнейшего внешнеполитического курса Молдовы.

Еще более драматические формы приобрело развитие и углубление внешнеполитического прозападного курса на Украине. Начало его проведения в жизнь нередко датируется периодом президентства В.Ющенко (2005–2010 гг.), однако по существу ряд законодательных инициатив, направленных на усиление связей с Евросоюзом и НАТО был принят еще в годы нахождения у власти его предшественников, Л.Кравчука (1991–1994 гг.) и Л.Кучмы (1994–2005 гг.).

С избранием Ющенко на президентский пост внешнеполитический курс Украины стал откровенно направляться на свертывание и разрыв традиционных связей с Россией при активизации сближения с ЕС и НАТО. При этом во внутренней политике открыто поощрялась непримиримая пропаганда украинских националистов. Были предприняты многочисленные попытки переписывания истории, включавшие распространение мифов о роли в ней гетмана Мазепы, голодоморе, «советской оккупации» страны, а также героизацию Степана Бандеры и членов ОУН-УПА.

Серьезным негативным фактором внутривнутриполитической жизни Украины стала агрессивная русофобская политика властей, направленная на проведение принудительной ассимиляции русскоязычного населения страны, включая попытки лишить его возможности пользоваться родным языком и обучать на нем своих детей. Также при президенте Ющенко началась подго-

товка к заключению Соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. Одновременно среди населения настойчиво велась пропаганда вступления Украины в НАТО как якобы необходимого условия сохранения суверенитета страны.

При всех вышеперечисленных президентах Украины, как и при сменившем В.Ющенко на этом посту в 2010 году В.Януковиче, страна находилась в тисках перманентного социально-экономического кризиса, неэффективного госуправления и повальной коррупции. Вполне логичным поэтому стал массовый выход на майдан в Киеве в 2013–2014 гг. граждан республики с мирными протестами. Однако эти протесты были использованы в своих интересах ультранационалистическими и неонацистскими силами, прибегнувшими к террору, убийствам и погромам, и, пользуясь поддержкой Запада, осуществившими в феврале 2014 г. государственный переворот.

В результате во внешней политике Украины произошли радикальные изменения в пользу активизации ориентации на Запад по всему спектру межгосударственных связей. При этом заметно ухудшились отношения с Россией, которую в Киеве официально объявили виновной в аннексии Крыма и вооруженной поддержке сепаратистских выступлений на Юго-Востоке Украины. В развитие этих обвинений Верховная рада приняла закон о реинтеграции Донбасса (в окончательном варианте – в январе 2018 г.), в котором действия России квалифицировались как «агрессия против Украины», а президенту Украины было предоставлено право использования вооруженных сил для возврата под контроль Киева «временно оккупированных территорий» Юго-Востока страны.¹³

В экономической сфере новые власти продолжили курс на достижение Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, которое в сентябре 2014 г. было ратифицировано Верховной радой и Европарламентом, а в сентябре 2017 г. вступило в силу. Вместе с тем руководство Евросоюза напомнило Украине, что это решение не означает предоставления ей членства в ЕС в обозримом будущем. Аналогичным образом на неопределенный срок отложено рассмотрение вопроса о принятии Украины в НАТО.

Нельзя не отметить, что за последнее время отношение самих украинцев к членству в НАТО заметно изменилось. По данным фонда «Демократические инициативы» им. И.Кучерива, если в 2012 г. идею вступления в НАТО поддерживали 13% опрошенных, то в конце 2014 г. – 44%, а в середине 2017 г. – 47%. По данным Киевского международного института со-

¹³ <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4623866>; Ивженко Т. Киев начнет новую операцию в Донбассе // Независимая газета. 19.01.2018.

циологии (КМИС), «за» членство в НАТО в 2017 г. проголосовал бы 41% электората, «против» – 32%. По данным социологического опроса Института Горшенина, на референдуме о вступлении Украины в НАТО, если бы он проводился в середине 2017 г., «за» проголосовали бы 46,1% украинцев, «против» – 33,4%.¹⁴

В то же время, столь высокий уровень поддержки идеи вступления Украины в НАТО характерен преимущественно для населения западных областей страны. По данным КМИС, в западных областях членство в НАТО поддерживают 65% опрошенных, не поддерживают 14%. В центральных областях, соответственно – 40% «за» и 23% – «против». Тогда как на юге – 24% высказались «за» и 56% – «против», а в подконтрольных Киеву восточных областях «за» высказались 29% опрошенных и 43% – «против».¹⁵

Эти данные свидетельствуют о сохраняющемся расколе в украинском обществе, значительная часть которого, особенно на юге и востоке страны, вопреки усилиям официальной пропаганды противится дальнейшему ухудшению традиционных исторических связей с Россией и их превращению во враждебные.

Взаимодействие с Россией как фактор укрепления национального суверенитета постсоветских стран

В последнее время в СМИ, а также в заявлениях ряда политических деятелей и специалистов по международным отношениям как за рубежом, так и у нас в стране, получили распространение утверждения о том, что за годы, прошедшие с момента распада Советского Союза, Россия не смогла стать центром политического и экономического притяжения для новых независимых государств. Эти выводы, однако, нуждаются в существенных оговорках.

Как представляется, более правильным было бы говорить об углублении дифференциации между постсоветскими странами по вопросам, связанным с формулированием и проведением в жизнь внешнеполитической стратегии. Спустя без малого три десятилетия после распада СССР, эти страны, пройдя через горнило бурных и неоднозначных процессов формирования национальной государственности, стали принципиально отличаться друг от друга и по характеру своих политических систем, и по уровню экономического развития, а главное – по своим стратегическим целям, стрем-

¹⁴ Gorshenin Weekly. Киев. Выпуск №21(315). 19.06.2017

¹⁵ Независимая газета. 28.08.2017

лениям и ориентациям. А это в свою очередь несомненно влияло и продолжает влиять на серьезные сдвиги в их подходах к выстраиванию отношений со своими внешнеполитическими партнерами как в двустороннем, так и многостороннем форматах.

Следует также отметить, что эффективности внешнеполитической деятельности постсоветских стран, несомненно, препятствовало и продолжает препятствовать то, что, поскольку они еще находятся в стадии становления своей государственности, у них не сформировались (или не вполне сформировались) устойчивые национальные интересы. Поэтому вполне объяснимы нередко наблюдаемые резкие колебания в их внешнеполитических курсах, отражающие интересы различных групп и кланов, которые ведут борьбу за власть. Иными словами, проблема формирования устойчивого и последовательного внешнеполитического курса постсоветских стран еще далека от своего решения.

Об этом, в частности, свидетельствует и обострение внутривнутриполитической борьбы в Молдавии, в том числе, по перспективам отношений с ЕАЭС (о чем шла речь выше), и осторожные, хотя и вполне предсказуемые, действия Таджикистана по налаживанию связей с ЕАЭС, в частности, по острой проблеме трудовой миграции населения.

Смена руководства в Узбекистане после прихода к власти нового президента страны, Шавката Мирзиёева, с одной стороны, не означает радикального изменения внешнеполитического курса, проводившегося при его предшественнике Исламе Каримове. Вместе с тем рост угрозы дестабилизации внутривнутриполитического положения со стороны сил исламистского терроризма, в том числе с территории сопредельного Афганистана, будет побуждать Узбекистан к укреплению отношений с Россией по вопросам национальной безопасности.

Неоспоримым фактом современной действительности является и то, что сложилась группа постсоветских стран, включающая Казахстан, Белоруссию, Армению и Киргизию, которые на протяжении ряда лет, не отказываясь от декларируемой ими многовекторности во внешних связях, в качестве основного приоритета своей внешней политики демонстрируют устойчивое участие в многосторонних политических и экономических организациях (ОДКБ или ЕАЭС), где лидирующую роль играет Россия. Несомненно, это свидетельствует о том, что такой внешнеполитический курс отвечает коренным интересам этих стран и способствует укреплению их национальной безопасности и суверенитета.

Как представляется, в этих условиях к числу важнейших национальных приоритетов России относится проведение на постсоветском пространстве такого внешнеполитического курса, который максимально гибко и

своевременно реагировал бы на идущие здесь социальные, экономические и политические процессы и был направлен на проведение эффективной и продуманной политики, подчеркивая при этом, что ее важнейшими целями являются не внешнеполитическая экспансия, не установление великодержавной гегемонии, но развитие партнерских и дружественных связей с постсоветскими странами на основе равноправия, взаимной выгоды, уважения и учета интересов друг друга.

В этих целях Россия должна стремиться активно содействовать укреплению политического и экономического сотрудничества с постсоветскими странами на двусторонней и многосторонней основе, наращивать взаимодействие с ними в сфере обеспечения безопасности, включая совместное противодействие общим вызовам и угрозам, прежде всего международному терроризму, транснациональной преступности и незаконной миграции, расширять сотрудничество с этими государствами в гуманитарной, научно-образовательной и культурной сферах.

Признавая право своих партнеров на проведение суверенной внешней политики, Москва вместе с тем не может игнорировать того, что реализация ими такой политики, основанной на принципах «многовекторности», на практике нередко не только не учитывает национальные интересы РФ, но и прямо им противоречит.

Особенно чувствительно это воспринималось и воспринимается во внешнеполитических действиях тех постсоветских стран, с которыми Россию связывают не только партнерские, но и прямые союзнические отношения (в частности, в рамках ОДКБ или Союзного государства). Поэтому, уважая их право на выстраивание отношений с другими международными субъектами, Россия должна добиваться соблюдения ими обязательств, взятых на себя как в результате прямых двусторонних соглашений с Москвой, так и в рамках региональных интеграционных структур с российским участием.